

А.К. Филиппов, К.А. Филиппов
Санкт-Петербургский государственный университет

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ДУБЛЕТНЫЕ СЛОВА В РУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ XVIII ВЕКА

В начале XVIII в. в России особую важность приобрел вопрос издания специальной литературы, в том числе переводной – в первую очередь с немецкого языка. Изучение переводных специальных текстов в области грамматики, сельского хозяйства и географии показывает, что в них широко представлены пары иноязычных заимствований и их русских эквивалентов. При этом русские варианты во многих случаях либо служат пояснением к ранее упомянутым иноязычным дублетам, либо средством их последующего введения в текст.

Русский язык, немецкий язык, XVIII в., перевод, специальный текст, дублет.

1. Введение

Начало XVIII в. в России ознаменовалось большим притоком специалистов, прибывших из Европы для обучения россиян науке, технике, ремеслам и мастерству. Важно также упомянуть, что именно «при Петре началось печатание книг светского содержания, начиная от азбук, учебников и календарей и кончая историческими сочинениями и политическими трактатами» [1, с. 52]. Все это наряду с привлечением из-за границы необходимых материалов, инструментов, разнообразной литературы способствовало обеспечению эффективного функционирования Российского государства.

Как известно, в XVIII в. в целом ряде научных (т. е. специальных) дисциплин¹ «еще не было системы сложившихся научных знаний» [3, с. 23]. Такое положение в особенности было характерно для России XVIII в., испытывавшей дефицит научных и технических знаний. В этой связи целесообразно привести разъяснение М.В. Ломоносова, высказанное в предисловии к его переводу «Волфианской экспериментальной физики»: «Сия книжица почти только для того сочинена и ныне переведена на российский язык, чтобы по ней показывать и толковать физические опыты; <...> Сверх сего принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь, что они со временем чрез употребление знакомее будут» [7, с. 423–425].

Г.В. Колшанский обратил внимание на один из важных факторов, связанных с функционированием переводных текстов, а именно необходимость «учета

ситуации, компетенции коммуникантов, значения предыстории того или иного текста» [4, с. 167]. Иными словами, ученый сделал акцент на необходимость внимательного изучения всего, что связано с историей возникновения и публикации текста первоисточника.

В настоящем исследовании под иноязычными дублетными словами мы вслед за авторами немецкого «Лингвистического словаря» Метцлера (*Metzler Lexikon Sprache*) понимаем дублетные словесные формы, возникающие в процессе иноязычного заимствования, в особенности в результате многократно заимствования [13, с. 164].

Материалом настоящей статьи послужили русские специальные тексты XVIII в., переведенные с немецкого языка: «Немецкая грамматика» М. Шванвица, «Готшедова немецкая грамматика» И.М. Греча, «Флоринова экономия» С.С. Волчкова, «Лифляндская экономия» М.В. Ломоносова и «Политическая география» С.Ф. Наковальнина.

Целью статьи является выявление и систематизация случаев употребления иноязычных дублетных слов в указанных текстах, а также описание основных функций, выполняемых соответствующими конструкциями.

2. Виды и функции иноязычных дублетных слов в русских переводных специальных текстах XVIII века

2.1. Словесные дублеты в русских переводных грамматиках XVIII в.

Главной предпосылкой успешной модернизации России, предпринятой Петром I, было создание системы светского школьного и вузовского образования. Важным сопутствующим обстоятельством этого процесса был тот факт, что многие учителя и преподаватели были иностранцами, в основном немцами,

¹ Под специальным текстом мы, следуя классическому определению А.С. Герда, понимаем «текст, главным содержанием которого являются те или иные теории, факты, сведения, рекомендации отдельных наук и отраслей знания» [2, с. 68].

реже англичанами, голландцами и т. д., не владевшими русским языком и проводившими занятия на своем родном языке (см., например, [12, с. 102–103]). При этом, по свидетельству К. Кох, именно немецкий язык преимущественно или даже исключительно использовался в качестве языка обучения в школах и университетах (Там же, с. 155).

По мере формирования национальной системы образования и расширения роли русского языка в образовательной и научной сферах все большее значение приобретал вопрос создания учебной литературы на русском языке. Одним из действенных способов восполнения недостающей учебной литературы в области грамматики оказался перевод на русский язык известных немецких учебников (подробнее о переводных грамматиках немецкого языка в России XVIII в. см. [5]).

Во многих случаях грамматические термины из оригинальных немецких текстов (зачастую слова латинского или греческого происхождения) в русском переводе получают двойные эквиваленты: 1) транслитерированное заимствованное обозначение и 2) дополняющее его русское по происхождению слово или выражение. При этом компоненты таких дублетов находятся друг с другом в изъяснительном отношении – второй не просто служит синонимом первого, но и поясняет его семантику.

Характерным примером может служить фрагмент параллельного текста «Немецкой грамматики» М. Шванвица (1730), взятый из третьей главы второй части учебника «Об этимологии» (*Von der Etymologia*).

(1) «Das NOMEN ist zweyerlei: **Substantium** und **Adiectium**. I. Substantium ist ein Wort, so eine gewisse Sache oder Person bedeutet, als: der Mann, die Frau, das Haus...;

Номен есть двоякое: **субстантивум (существительное)** и **адъективумъ (прилагательное)**. I. Субстантивум есть слово, которое некоторую вещь или персону значит, яко: der Mann, муж, die Frau, Госпожа, das Haus, дом...» [V, с. 146–147].

Появление в русском переводе дублетов *субстантивум – существительное* и *адъективум – прилагательное* отражает стремление переводчика не только привести термины из оригинала, но и прояснить их внутреннюю форму для русского читателя. Можно сказать, что русские дублеты выполняют роль своеобразного глоссария к иноязычным; по сути, отношение между *субстантивум – существительное* функционально близко к *der Mann – муж* из того же примера.

Изъяснительная функция дублетных наименований прослеживается также в «Готшедовой немецкой грамматике» И.М. Греча (1769), представляющей собой свободное сокращенное переложение грамматики И.К. Готшета «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» (1748). В следующем фрагменте ([I, с. 1], см. рис. 1), содержащем перечисление частей грамматики, конструкция с дублетными словами организована иначе, чем в примере 1, однако отношение между компонентами аналогичное:

Немецкая Грамматика есть наука, какъ говорить и писать сходственно съ свойствомъ и лучшимъ употреблениемъ немецкаго языка,

Она раздѣляется на 4 части.

- I. на Орфографію или правописание (*die Rechtschreibung*).
- II. на Этимологію — произведевіе словъ (*die Wortforschung*).
- III. на Саштаксію — сочиненіе словъ (*die Wortfügung*).
- IV. на Пресодію — удареніе словъ (*die Tonmessung*).

Рис. 1. Фрагмент «Готшедовой немецкой грамматики» И.М. Греча

В данном примере обращает на себя внимание появление третьего компонента – оригинального немецкого термина – в дополнение к заимствованному и русскому обозначениям. Это объясняется тем, что первый компонент триады *орфография – правописание – Rechtschreibung* не является транслитерацией оригинального немецкого термина; напротив, именно второй (*правописание*) представляет собой кальку с немецкого *Rechtschreibung*². Тем не менее, и здесь второй компонент следует рассматривать как пояснение первого, а всю конструкцию – как принятую в учебнике модель такого пояснения. Впечатление системности описания усиливается симметричным расположением компонентов изъяснительных конструкций и связей между ними.

Общими компонентами для обоих приведенных примеров являются иноязычный термин и его русский дублет, выполняющий изъяснительную функцию. Такая структура характерна и для других категорий специальных текстов в России XVIII в.

2.2. Иноязычные дублетные слова в русских переводных сельскохозяйственных текстах XVIII в.

К первой половине XVIII в. относится также появление первых русских переводов немецких сельскохозяйственных трактатов, обусловленное необходимостью перенимать европейский опыт земледелия и домоводства. В числе таких переводных руководств – «Флоринова экономия» (1738) – сокращенный перевод С.С. Волчкова, выполненный с немецкого трактата *Oeconotus Prudens et Legalis* Ф.Ф. Флорина (1702), – и «Лифляндская экономия» (1747) – рукописный перевод за подписью М.В. Ломоносова, сделанный с четвертого издания «Stratagema Oeconomicum» (1688, 1-е изд. 1645) С. Губерта [8, с. 203]. Перед русскими переводчиками этих двух текстов стояла задача передачи специальной терминологии данной предметной области средствами русского языка, а также разъяснения вводимых терминов для читателя.

² В оригинале данная формула состоит из двух компонентов – латинского и немецкого терминов: «die Orthographie, deutsch die Rechtschreibung» (подробнее см.: [11, с. 52–53]).

2.2.1. Иноязычные дублетные слова во «Флориновой экономии»

Наиболее показательным текстом с точки зрения введения и толкования элементов специальной лексики выступает «Флоринова экономия». Русский переводчик при описании различных аспектов сельского хозяйства и домоводства вводит в текст множество иноязычных заимствований – как окказиональных, так и вошедших в систему русского языка. При этом далеко не все из них получают объяснение в русском тексте (см. пример 2, содержащий перечисление ингредиентов лекарства от почечной болезни):

(2) «Возьми **гундель ребе, глас-краут, фиольных листов, хамиллева цвету, генистовой, и вулькраутной травы** с корнем, черемхова цвету можжевеловых ягод, и все сии травы в ванну положи ими парься» [IV, с. 298–299]³.

Однако наряду с подобными примерами в тексте «Флориновой экономии» можно найти немало фрагментов, содержащих дублетные пары иноязычных и русских наименований. Как и в приведенных выше примерах из грамматик, иноязычный компонент является поясняемым, а русский – поясняющим. Чаще всего подобное изъяснение оформляется при помощи конструкции с союзом *или* (пример 3) или скобок (пример 4):

(3) «Как старым, так и молодым лодешам, по вся месяцы проносного лекарства давать. А имянно: **Антимонии, или деревянного масла**, в рот вливать, что при том и черви умерщвляет» (Там же, с. 223).

(4) «Желчь, или желтая болезнь, происходит от разлития желчи по всему телу, от чего человек не токмо желт, но и черен бывает, теряет **аппетит [позывание на еству]**, весьма жаждет, при чем у него во рте горько и сохнет, и все в глазах ему желто кажется» (Там же, с. 281).

В примере 4 русский эквивалент иноязычного дублета представляет собой описательный оборот, что может служить дополнительным свидетельством его изъясняющей функции. Еще более ярко она проявляется в примере 5, в котором также наблюдается еще один прием пояснения – указание на язык, к которому принадлежит каждый из элементов: (5) «**Фиоретто** по Италиански; а по русски называется **цвет, или хлопок, которой от добраго шелку, во время пряжи отдирается**» (Там же, с. 265).

Пример 6 иллюстрирует еще одну стратегию пояснения в тексте «Флориновой экономии» – комментарий к отдельному элементу иноязычного словосочетания:

(6) «Когда овцы от великаго жару весьма ослабеют, то взять **Алант** [везде где **вурцель** упомянется, то **корень разумей**] **Вурцелю**, можжевеловых ягод, вязоваго венику, и лавроваго листу, и все с солью смешав истолочь, и овцам дать лизать» (Там же, с. 246).

³ В оригинале выделенным названиям соответствуют следующие термины: *Gundelrebe* (будра плющевидная, собачья мята), *Glaskraut* (постенница лекарственная), *Chamillen Blumen* (ромашка лекарственная, совр. *Echte Kamille*), *Genisten-Blumen* (дрок лекарственный, совр. *Genista tinctoria*), *Wuhlkraut-Blumen* (марь вонючая, совр. *Stinkender Gänsefuß*).

Таким способом Волчков вводит в текст не один термин, а целый ряд наименований, образованных по шаблону немецких сложных слов с корнем *-Wurtzel* (подробнее см. [10, с. 198]).

В тексте руководства встречается и обратный порядок – вначале русское название, затем иностранное. В таких фрагментах речь идет уже не о *пояснении* иноязычного термина, а о *введении* его как синонима уже ранее упомянутого наименования, как в примере 7:

(7) «О строении **загороднова двора, или меизр гофа. Меизр гоф** называется, где прикащики с дворовыми и деловыми людьми живет, тут же всякая животины и огороды»⁴ [IV, с. 62].

Пример 8 примечателен тем, что в нем оба компонента дублетной пары представляют собой иноязычные наименования: (8) «**Вейд** [по Латыни **глас-тум**] имеет в себе особливую пользу» (Там же, с. 155). Объяснение можно найти в соответствующем фрагменте немецкого оригинала, в котором реализована функция введения латинского синонимичного термина наряду с немецким: «Es wird die **Weyde / und Glastum** genennet / und hat seinen absonderlichen Nutzen» [VI, с. 609].

Таким образом, в тексте «Флориновой экономии» реализованы две различные функции словесных дублетов – пояснение иноязычного термина, в случае если он приводится первым, и его введение как синонима, если он следует за русским обозначением. Зачастую такие дублеты, как и в случае с примерами из грамматик, появляются лишь в процессе перевода ввиду необходимости разъяснения семантики и внутренней формы термина, приведенного в оригинале. В немецком тексте также присутствуют фрагменты с дублирующими друг друга обозначениями (латинским и немецким); при переводе таких конструкций на русский язык опорная роль первого компонента утрачивается, поскольку оба наименования относятся к заимствованиям.

2.2.2. Иноязычные дублетные слова в «Лифляндской экономии»

В отличие от «Флориновой экономии», текст «Лифляндской экономии» не содержит большого количества языковых заимствований и соответственно конструкций с иноязычными дублетами. Основная часть заимствованных слов принадлежит к фитонимам (названиям растений): *калмус* (нем. *Kalmes*), *лецекель* (нем. *Letzekel*), *удран* (нем. *Udra*) и др.⁵ В данном тексте удастся обнаружить иноязычные дублеты русских обозначений, но дублеты совсем иного рода, нежели рассмотренные выше, – альтернативные переводные эквиваленты в разных контекстах. Так, в одном случае немецкое *Ruschapffel* ‘картофель’ получает эквивалент *земляные яблоки* [2, с. 79], в другом переводится путем транслитерации как *рушапфель* [2, с. 82].

Причиной подобных расхождений мог быть недостаток времени у русского переводчика, выпол-

⁴ В оригинале – *Meyer-Hof*.

⁵ По поводу семантики приведенных слов см. [8, с. 207, 209].

нявшего данный перевод на заказ [8, с. 203–204]. Следует также отметить, что отсутствие терминологического единообразия не является исключительной характеристикой «Лифляндской экономики», проявляясь, в частности, и во «Флориновой экономике» (подробнее см. [10, с. 198]).

2.3. Иноязычные дублеты в «Политической географии»

В рамках обсуждаемой темы стоит упомянуть также «Политическую географию» (1758) – учебный текст, переведенный С.Ф. Наковальниным с немецкой рукописи [9, с. 256]. Введение иноязычных терминов в этом издании имеет свои особенности. Характерным примером может служить начало первой главы пособия (пример 9):

(9) «Описание воды особливо, называется *Гидрография, Hydrographia*; описание знатной части земли *Хорография, Chorographia*; а описание некоторого места *Топография, Topographia*, кои суть части Географии» [III, с. 1].

В этом примере употребление словесных дублетов следует формуле «транслитерированный термин на кириллице – оригинальный термин на латинице». То есть в тексте отсутствуют эквиваленты, имеющие русскую этимологию, а изъяснительная функция целиком ложится на краткие определения, приводимые в цитированном фрагменте.

Данная модель употребления иноязычных дублетных слов является наиболее характерной для «Политической географии», однако в тексте присутствуют и сочетания типа «русское + иноязычное наименование» (пример 10):

(10) «Каждой циркуль разделяется в 360 градусов, того ради и земля содержит в окружении 360°, а полагая на каждой градус **большаго циркуля** или **экватора** земли по 15 Немецких миль, или по 105 Российских верст, 5400 миль, или 37800 верст» [III, с. 3].

Приведенный пример аналогичен большинству фрагментов, разбираемых в п. 2.1–2.2, и представляет способ введения иноязычного словесного дублета в текст, характерный для русской специальной литературы XVIII в.

3. Заключение

Языковой материал исследования позволяет выделить следующие основные модели иноязычных словесных дублетов в русских переводных специальных текстах XVIII в.:

- иноязычное + русское наименование (изъяснительная функция русского варианта);
- русское + иноязычное наименование (вводная функция русского варианта);
- транслитерированное + оригинальное наименование (функция объяснения переносится на определение).

Наличие эксплицитных определений в большей степени характерно для учебной литературы – грамматик и «Политической географии». Сельскохозяйственные руководства, будучи справочными изданиями, зачастую не дают дефиниций к вводимым

терминологическим наименованиям. Вместе с тем, граница между описательным русским эквивалентом и полноценным определением достаточно размыта, поскольку и то, и другое играет роль пояснения к иноязычному термину.

Источники

I. Греч, И. М. Готшедова немецкая грамматика, вновь исправленная, и для пользы и употребления российского благородного юношества напечатанная / И. М. Греч. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Морской шляхетский кадетский корпус, 1769. – 421 с.

II. Губертус, С. Лифляндская экономия / С. Губертус ; пер. М. В. Ломоносова // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. – Москва ; Ленинград, 1950–1983. – Т. 11, дополнительный, справочный: Письма. Переводы. Стихотворения. Указатели. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1983. – С. 71–152.

III. Политическая география, сочиненная в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, для употребления учащагося в оном Корпусе шляхетства напечатана. – Санкт-Петербург : Тип. Сухопутн. кад. корпуса, 1758. – 184 с.

IV. Флоринова Экономия с немецкаго на российской язык сокращенно переведена и напечатана повелением... имп. Анны Иоанновны... / перев. с нем. С. С. Волчкова. – Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1738. – 320 с.

V. Шванвитц, М. Немецкая грамматика, из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санкт-Петербургской гимназии / М. Шванвитц. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1730. – 413 с.

VI. Florin, F. P. Oeconomus prudens Et Legalis. Oder Allgemeiner Klug-und Rechts-verständiger Haus-Vatter, bestehend In Neun Büchern / F. P. Florin. – Nürnberg, Frankfurt und Leipzig : Verlegung Christoph Riegels, 1702.

Литература

1. Всемирная история: Эпоха Просвещения / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. – Минск : Харвест, 2003. – 512 с.

2. Герд, А. С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания / А. С. Герд // Прикладное языкознание : учебник / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Г. Я. Мартыненко и др. ; отв. ред. А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – С. 68–90.

3. Герд, А. С. Введение в изучение языков для специальных целей : учебное пособие / А. С. Герд. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2007. – 60 с.

4. Григорьева, Л. Н. К вопросу о вариативности переводных грамматик в России 18 века / Л. Н. Григорьева, К. А. Филиппов // Немецкая филология в СПбГУ: Вып. VI: Константность и вариативность в немецком языке. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2016. – С. 206–217.

5. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1984. – 176 с.

6. Краткая русская грамматика / под редакцией Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – Москва : Русский язык, 1989. – 639 с.

7. Ломоносов, М. В. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов, императорской Академии Наук член и химии профессор / М. В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. Т. 1. Труды по физике и химии, 1738–1746 / М. В. Ломоносов. – Москва ; Ленинград АН СССР, 1950. – С. 419–530.

8. Паина, Э. С. Примечания: К № 9 [«Лифляндской экономии»] / Э. С. Паина, Н. В. Соколова // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 11 / М. В. Ломоносов. – Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1983. – С. 202–211.
9. Сводный каталог русских книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 1: А – И. – Москва : Издание гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина, 1962. – 436 с.
10. Филиппов, А. К. К вопросу об интерференции немецкого и русского научных дискурсов XVIII в. (на материале текстов «Oeconomia Prudens» и «Флоринова Экономика») / А. К. Филиппов, К. А. Филиппов // Русская германистика : Ежегодник Российского союза германистов. Т. 17: Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном культурном пространстве. – Москва : Языки славянской культуры: Знак, 2020. – С. 191–207.
11. Филиппов, К. А. Наблюдения над метаязыком концептуальных грамматических текстов эпохи немецкого Просвещения / К. А. Филиппов // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. 2014 год / ответственные редакторы С. С. Волков, Е. М. Матвеев. – Санкт-Петербург : Геликон-Плюс, 2015. – С. 41–58.
12. Koch, K. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutschrussischen Beziehungen / K. Koch. – Berlin ; New York : de Gruyter, 2002. – 456 S.
13. Metzler Lexikon Sprache / hrsg. vom H. Glück, M. Rödel. 5. Aufl. – Stuttgart : J.B. Metzler, 2016. – 814 s.

A.K. Filippov, K.A. Filippov

FOREIGN DOUBLET WORDS IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN TRANSLATED SPECIALIZED TEXTS

At the beginning of the 18th century, the issue of publishing special literature, including translated literature (primarily from German), was paramount in Russia. The study of the translated specialized grammar, agricultural and geographical texts reveals that the pairs of foreign language borrowings and their Russian equivalents are frequently found in them. In many cases the Russian variants function either as explanations of the previously mentioned foreign language doublets or as means of their subsequent introduction into the text.

Russian, German, 18th century, translation, specialized text, doublet.